

ВКЛАД В.И. САРИАНИДИ В ИЗУЧЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

В середине XX в., когда Виктор Иванович Сарияниди, получив блестящее археологическое образование, приступил к своей профессиональной деятельности, уровень научных знаний в области истории архитектуры Древнего Востока заметно отличался от современных представлений в этой области. Это и понятно: несмотря на большие успехи в изучении Древнего Египта и ближневосточных культур в зоне так называемого Полумесяца Плодородия еще не были сделаны многие из тех поистине великих открытий, которые позволяют по праву называть минувшее столетие веком археологии. Сэр Леонард Вулли уже закончил копать Ур и Алалах, а Роман Гиршман – Тепе-Сиап, Андре Парро продолжал раскопки города Мари, Клод Шеффер все еще изучал Угарит, но Джеймс Мелларт только собирался приступить к своим поискам в Анатолии, Паоло Маттие тогда лишь предстояло найти Эблу, а Даниэлю Шлюмберже – Александрию Оксияну (Ай Ханум в Северном Афганистане). Раскрывались все новые грани протоиндийской цивилизации, явленной миру в 1921 г., после начала планомерных раскопок холмов Мохенджо-Даро и Хараппы. Наконец, в советской Средней Азии в конце 1940-х – начале 1950-х годов наметились основные векторы будущих исследований раннеземледельческих культур и урбанизационных оазисов эпохи бронзы, которые стали основным предметом научных интересов В.И. Сарияниди. Если взглянуть на историко-архитектурные публикации времен его молодости, то можно увидеть, какие лакуны удалось заполнить впоследствии, благодаря значительному расширению базы археологических источников по всему огромному региону от Ахейской Греции и Восточного Средиземноморья до Амударьи и долины Инда.

И все-таки громкие успехи египтологии, а главное – туристическая доступность памятников древнеегипетской цивилизации до сих пор затмевают в массовом сознании не столь эффектные, но не менее важные для науки следы исчезнувших культур в азиатской части классического Востока, на территории Турции, Сирии, Ирака, Ирана, Туркменистана, Узбекистана, Афганистана и Пакистана. С одной стороны, доступ к памятникам, затерянным в сельской глубинке этих стран, а зачастую и в сами эти государства затруднен. С другой стороны, древняя архитектура Передней и Центральной Азии сохранилась несравнимо хуже египетской прежде всего из-за разницы в строительных материалах: глина не камень и сооружения из необожженных кирпичей если не развеялись целиком, то превратились в совершенно аморфные «телли» или, иначе говоря, «тепе» и стали известны теперь исключительно благодаря раскопкам. Тем весомее заслуги исследователей, которые нашли и увековечили в своих трудах немалое число памятников строительного искусства минувших тысячелетий.

Наименее изученной долгое время оставалась именно Средняя Азия: после знаменитой экспедиции Рафаэля Пампелли, в 1904 г. обнаружившей в Южном Туркменистане энеолитическую культуру Анау, западные ученые уже и не мечтали попасть в регион, оказавшийся за «железным занавесом», а советская наука в лице ЮТАКЭ только после окончания Второй мировой войны смогла заняться широким археологическим исследованием зон древнего орошения и местными поселениями ранних земледельцев.

В.И. Сарияниди впервые попал в район своих будущих открытий в 1949 г., будучи студентом-практикантом (ТрЮТАКЭ. Т.V., 1955, с. 253). В составе XVIII отряда ЮТАКЭ он участвовал в рекогносцировке Мервского оазиса. Раскопки тогда не проводились, работы были ограничены сбором подъемного материала на памятниках, зарегистрированных американцами почти полвека назад (Яз-депе, Уч-депе, Гюмиш-депе, Арвали-депе), но дали новый, весьма ценный материал (Массон, 1959, с. 8). В 1950-1951 гг., когда основное

внимание ЮТАКЭ переключилось на Мервский оазис, коллектор-студент Сарияниди уже под непосредственным руководством начальника экспедиции М.Е. Массона продолжал участвовать в разведочных маршрутах по старой дельте Мургаба. Он возвратился сюда в 1955 г. уже квалифицированным молодым специалистом, чтобы в составе XIV отряда, который возглавил его сверстник В.М. Массон, участвовать в начавшихся годом ранее стационарных раскопках на Тахирбае 3. Им было суждено открыть еще более раннюю группу поселений в урочище Аучин и вновь вернуться на Яз-депе – памятник более поздний, чем расположенные севернее поселения древнемургабской дельты, но исключительно важный для археологии – на основе его раскопок предложена трехчастная периодизация (Яз I-III) памятников раннежелезного века как Маргианы, так и всей территории Южного Туркменистана (Масимов, 2008, с. 8). Не менее важен Яз-депе и для истории архитектуры: в 1956 г. на южном участке яздепинской цитадели, в основании которой находилась восьмиметровая кирпичная платформа, раскопаны несколько помещений крупного сырцового здания, чьи руины скрывал самый возвышенный холм. Оно позволило говорить о возможности «опосредованного влияния монументального строительства Месопотамии и Элама, где храм и дворец, возведенный на мощной платформе, играл столь заметную роль» (Массон, 1959, с. 81).

Параллельно с работами в Маргиане осенью 1956 г. Виктор Сарияниди участвовал в раскопках неолитического поселения Джейтун – во многих отношениях эталонного объекта, по имени которого названа вся культура первых земледельцев предгорной полосы Коптедага, в 25 км к северо-западу от современного Ашхабада. Ныне – это курган, который возвышается более чем на 5 м (местное название *Чакмакдаш-бейик*) и содержит пять строительных периодов. Вместе с другими объектами эпохи неолита в северных предгорьях Коптедага, Джейтун относится к числу немногочисленных мировых центров, откуда шло распространение главнейших культурных растений — пшеницы и ячменя, а его обитатели уже имели стационарные жилища. Это были постройки прямоугольных форм, появление которых связано с переходом первобытных охотников и собирателей к оседлому и производящему хозяйству (Массон, 1971).

Именно с таких незамысловатых строений и начинается собственно архитектурная история человечества. Создание геометризованного пространства – прежде всего прямоугольных жилищ, сгруппированных в компактные поселения – это настоящий прорыв в сознании древних людей. Мир человека впервые был противопоставлен миру природы. Здесь уже налицо совмещение трех признаков архитектуры: есть продуманный образ сооружений, они устойчивы и включены в ландшафт. Правда, нет еще улиц и каких-либо планировочных идей, лишь беспорядочное скопление не более тридцати стандартных однокомнатных домов без окон, с массивными очагами и балочными перекрытиями. Материалом для стен служили сырцовые протокирпичи, из-за овальной формы названные глиняными «булками». В.И. Сарияниди уже тогда обратил внимание на устойчивое сохранение в течение тысячелетий основных принципов архитектуры джейтуновских поселений. Применение глины как основного материала и возведение толстых стен (до 1 м), сохраняющих прохладу в самые знойные дни, он назвал основными элементами строительной техники, которые максимально отвечали условиям сухого жаркого климата Средней Азии. В начале 1960-х, рассуждая об архаичном домостроительстве, он указывал, что традиция однокомнатного дома с пристройками прослеживается на следующем хронологическом этапе – время Анау I, на памятниках Геокюрского оазиса – Дашлыджи-депе, Ялангач-депе, Акча-депе, Муллали-депе (см.: Марковин, 1962, с. 13).

Именно там – на энеолитических поселениях Геокюра – древнего оазиса в былой дельте реки Теджен, чуть западнее Мургаба, сосредоточились интересы В.И. Сарияниди после Джейтуна и первых опытов в Маргиане. Фактически, в этом районе существовало миниатюрное Междуречье. Там он вел раскопки до 1963 г., увенчав эту работу защитой кандидатской диссертации «Земледельческие племена Юго-Восточной Туркмении». С

Геоксюрором связаны и ряд его публикации того времени. С их появлением в научный оборот вошел целый комплекс остатков материальной культуры, характерный для поселений восточного ареала распространения анауских культур (Сарианиди, 1960, с. 299). В них, помимо тщательного описания раскопок и классификации находок, приведены подробные сведения о конструктивном устройстве жилищ и их планировочной структуре. Все это, по словам автора раскопок, «знакомит нас с эволюцией строительной техники и архитектурными принципами планировки поселений времени позднего Намазга II – раннего Намазга III» (Сарианиди, 1960, с. 229-238).

На Дашлыджи-депе жилую ячейку составляла главная комната и несколько хозяйственных помещений, свободно расположенных вокруг неправильной формы двора. В более поздний период (начало III тыс. до н.э.) здесь появились многокомнатные дома и обводные стены с включенными в их периметр круглыми сооружениями (наружный диаметр 6–7 м). Они напоминают крепостные башни будущего и использовались, по предположению И.Н. Хлопина, для размолы и хранения зерна. Но В.И. Сарианиди, касаясь вопроса о круглых помещениях, считал возможным различать культовую и гражданскую архитектуру (Марковин, 1962, с. 13). Возможно, появление таких построек в Геоксюрском оазисе (Ялангач-депе, Муллали-депе, Акча-депе, Геоксюр-7) могло быть связано с влиянием убейдской культуры юга Месопотамии. Строительная техника энеолита отмечена появлением крупного формованного сырцового кирпича прямоугольной формы, который укладывался с применением вязущего раствора.

Особое внимание В.И. Сарианиди обратил на святилища с «подиумами» в геоксюрской группе холмов. По своей архитектуре они почти не отличаются от жилых помещений и далеко не всегда располагались в центре поселений. Однако это не снимает тезиса об их культурно-историческом родстве с храмовыми сооружениями Месопотамии. В поисках ответа на вопрос: представляют ли святилища на холмах анауской культуры развитие местных традиций, или же они являются результатом влияния родственных племен из сопредельных юго-западных областей, В.И. Сарианиди приводит для сравнения самые ранние месопотамские святилища эпохи Убейд: храмы XVII и XVI Эреду (тель Абу Шахрайн в Ираке), а также храм на уровне XIX в Тепе Гавра – в каждом случае в центре помещений есть кубообразный подиум-жертвенник с пеплом и следами сожжения вокруг. Другая деталь, схожая в «часовнях» двух регионов – фрески в их интерьерах. Но если в Месопотамии едва ли не единственный такой пример дает довольно обособленное святилище урукского периода в Телль-Укайре, то «в Южной Туркмении традиция настенных полихромных росписей уходит к неолитическому Джейтууну» (Сарианиди, 1962а, с. 52).

Отмечая параллели с ранней месопотамской архитектурой, В.И. Сарианиди допускает какую-то общую культурную преемственность в оформлении помещений ритуального назначения, но подчеркивает, что прямых данных для этого пока все-таки нет, а предполагаемое родство культовых построек Южного Туркменистана и Месопотамии носит преимущественно формальный характер (Сарианиди, 1962а, с. 53). Убедительно выглядит его предположение о том, для чего, собственно, возводились геоксюрские святилища с «подиумами»: опираясь на этнографический материал, он усматривает их близость с «алаухана» (домами огня) у хорезмийцев и горных таджиков, где люди собирались по определенному признаку (например, поло-возрастному) для выполнения ритуалов, связанных с их культурами, и заключает: «В более позднее время во многих местностях, куда проникло мусульманство, эти “общественные дома” приспособивались под мечети, в чем нельзя не видеть известную преемственность их функционального назначения в качестве культовых мест древнейших верований» (Сарианиди, 1962а, с. 54).

Данные этнографии В.И. Сарианиди привлек и для выяснения характера жилой структуры геоксюрских объектов. В целом они дают, по его мнению, пример отдельной «номовой общины» с небольшими поселениями сельского типа, группировавшимися

вокруг центрального холма Геоксюр I (Сарианиди, 1962б, с. 29). В позднем энеолите и ранней бронзе эти поселения состояли уже из многокомнатных домов-массивов, разделенных узкими переулками. Один из них, шириной 1–2 м, прослежен на расстоянии 55 м (Геоксюр-1) (Сарианиди, 1965, с. 9). Прямая улица с жилой застройкой по сторонам выявлена и на Улуг-депе близ поселка Душак. На другом поселении – Кара-депе возле села Артык – существовало даже нечто вроде площади. Красочное описание жилой среды Геоксюра В.И. Сарианиди дал в одной из своих первых книг, рассчитанных на массовую аудиторию – уже тогда раскрылся его дар умелого популяризатора науки (Сарианиди, Кошеленко, 1966, с. 68-71).

Раскопки в Юго-Восточных Каракумах он продолжил в 1964 – 1970 гг. – теперь в составе Каракумской экспедиции Института археологии АН СССР. Среди открытий в этом районе, проливающих свет на приемы архаичного строительства, обращают на себя внимание надземные склепы-толосы, как правило, округлые в плане (много реже эллиптические и прямоугольные), сложенные из сырцовых кирпичей на сухой кладке с ложно-сводчатыми перекрытиями. Всего на Геоксюре обнаружено около 30 таких погребальных сооружений, причем некоторые из них к моменту раскопок сохранились полностью (Сарианиди, 1972, с. 23) (рис. 1). Эти миниатюрные купола консольной кладки, по существу, древнейшие из числа выявленных на территории Центральной Азии, знаменуют начало эволюции сырцовых куполов в архитектуре этого региона.¹

**1957 г. Раскопки Геоксюра. Расчистка и зарисовка толосов.
Крайний слева – В.И. Сарианиди, идет – В.П. Алексеев, крайний справа – П.М. Кожин.**

¹ Этот вопрос на основе материалов В.И. Сарианиди подробно рассмотрен в монографии Н. Байматовой (Baimatova, 2008).

Еще одно важное наблюдение на Геоксюре связано с обнаруженными следами преднамеренного сожжения отдельных помещений в жилых домах: в таких комнатах, судя по всему, проходили погребальные церемонии, включавшие обряд кремации, после чего, превращенные в могильник, они навсегда забрасывались (Сарианиди, 1966). Полную аналогию этой традиции В.И. Сарианиди увидел в горелых зданиях поселения Тепе-Гиссар близ Дамгана в Северном Иране, раскопанных Э. Шмидтом в 1931-1932 гг. и считавшихся сожженными при нападении чуть ли не арийских пришельцев (Сарианиди, 1971). Но когда в 1987-1990 гг. следы ритуального пожара были зафиксированы на южнотуркменистанском энеолитическом поселении Йылгынлы-депе, стало ясно: в эпоху палеометалла подобная практика не представляла ничего исключительного. Какое значение имела она для становления архитектуры, убедительно показал, в частности, Ю.Е. Березкин (1992).

Следующий этап в работе В.И. Сарианиди связан с его активным участием в десятилетней афганской эпопее, завершившейся поистине фантастическими находками – речь, конечно, идет о Советско-афганской археологической экспедиции, которая провела свой первый сезон в 1969 г., а последний, десятый, был прерван в 1979 г. из-за войны, начавшейся в Афганистане в результате советской интервенции. Обнаружение огромного комплекса ювелирных украшений в царском некрополе Тилля-тепе, который, по общему мнению, может соперничать с сокровищами гробницы Тутанхамона (The New York Times, April 13, 1979), принесло Виктору Ивановичу Сарианиди мировую известность.

Но, в то же время, золото Бактрии своим блеском несколько затмило его не менее значительные раскопки группы поселений древних земледельцев Северного Афганистана. Итоги их изучения за первые 5 лет работы экспедиции он обобщил в своей докторской диссертации, защищенной в 1975 г., а затем опубликованной в виде монографии (Сарианиди, 1977а). Отдавая должное великолепным публикациям и глубокому исследованию сокровищ из погребений Тилля-тепе (Литвинский, 2004, с. 14), его коллеги при этом отмечают, что «особенно важное значение имеют выводы В.И. Сарианиди о памятниках эпохи бронзы. Часть открытых им памятников была им раскопана, что позволило ему написать упомянутое выше серьёзное исследование “Древние земледельцы Афганистана”, где он показал особенности памятников эпохи бронзы в различных оазисах: Дашлинском, Фарукабадском, Ничкинском, Наибабадском и др. Названия им даны по имени близлежащих наиболее крупных современных поселений» (Кругликова, 2005, с. 311). Эти его работы осветили совсем новый аспект истории народов Центральной Азии в III – II тыс. до н.э., а открытие памятников раннего железа во многом прояснило ранее темный период истории севера афганской территории и заставило исследователей пересмотреть свои взгляды на культуру Древней Бактрии (Кругликова, 1984, с. 51).

Южный Афганистан и прилегающая часть Ирана, вместе составлявшие архаический Сеистан, к началу 70-х гг. XX в. уже не были белыми пятнами, так как между великими городскими цивилизациями Месопотамии и долины Инда на археологическую карту, благодаря раскопкам западных ученых, были нанесены такие промежуточные центры как Тепе-Яхья, Шахр-и Сохте, Мундигак и др. Но Северный Афганистан считался зоной, где никаких следов оседлой земледельческой культуры нет (Вавилов, Букинич, 1959, с. 50). Вот почему подлинной научной сенсацией стали афганские раскопки В.И. Сарианиди и его коллег, а также исследования А.А. Аскарлова на юге Узбекистана, где выявлены аналогичные памятники правобережья Амударьи: Сапаллитепа, Джаркутан и др. После них стало совершенно очевидным, что задолго до античной Бактрии на ее территории уже существовали урбанизационные оазисы, тесно связанные между собой и с соседней Маргианой. Некоторые западные исследователи предпочитают называть их цивилизацией Окса (по античному названию Амударьи), но В.И. Сарианиди дал ей гораздо более точное и емкое название: Бактрийско-Маргианский археологический комплекс (БМАК)

(Сарианиди, 1977а, с. 4-5).² С тех пор это понятие прочно вошло в научный обиход, хотя продолжает подвергаться критике с точки зрения археологической систематики (Массон, 2006, с. 74). Но с позиций истории архитектуры, не говоря уже об искусствознании, тождественность памятников долины Мургаба и Средней Амударьи настолько очевидна, что имевшие место попытки разделить их на две цивилизации выглядят по меньшей мере абсурдом.³ Это, в частности, наглядно показал в своей монографии ученик Виктора Ивановича, историк архитектуры М.А. Мамедов, сделав сравнительный анализ накопленных к концу 1990-х гг. данных по гражданской и культовой архитектуре, фортификации, типологии памятников, строительных материалов и приемов обеих частей БМАК (Мамедов, 2003). Родство их таково, что впору говорить об одних и тех же артелях мастеров, возводивших монументальные сооружения в Маргиане и Бактрии. Самобытность архитектуры БМАК, по мысли исследователя, позволяет «рассматривать ее как материальное воплощение творческой мысли единого народа, расселившегося в древности на территории этой части Центральной Азии» и даже допускать наличие «своеобразной архитектурной школы» (Мамедов, 2003, с. 7, 117-118).⁴

Архитектурные характеристики памятников Южной Бактрии, открытых Виктором Ивановичем, неоднократно приводились как в его собственных многочисленных публикациях (Сарианиди, 1977б, с. 203-224), так и в работах авторов, которые по-своему интерпретировали его материалы, причем зачастую в весьма критическом ракурсе. Не повторяя хорошо известное всем специалистам, вспомним только основные объекты, раскопанные в начале 1970-х. Прежде всего, это два поселения эпохи бронзы: Дашлы-1 и Дашлы-3. Первое представляло собой прямоугольную крепость (99 X 85 м) с мощной фортификацией, округлыми башнями на углах и по периметру стен, с очень плотной внутренней застройкой. На втором раскопаны два монументальных сооружения: одно из них вошло в литературу под названием «круглый храм», второе – «дворец». О них стоит сказать особо не только потому, что они вызвали больше всего споров и гипотез (см., например: Brentjes, 1981; Пугаченкова, 1982; Антонова, 1984, с. 78-82; Булатов, 1988, с. 28-35, 44-46; Chmelizkiy, 1993, р. 304-307; Хмельницкий, 2005). Эти объекты по своему композиционному строю приближаются к известным образцам сырцовой архитектуры общественных зданий Двуречья. В них сполна проявлены качества архитектуры как вполне осознанной деятельности, вполне грамотной реализации заранее составленной программы. Дашлинские сооружения, как и другие памятники БМАК, демонстрируют планировочные принципы, в основе которых лежат четкие геометрические формы:

² Отдавая предпочтение термину БМАК, Е.Е. Кузьмина предлагает для него свою расшифровку: Бактрийско-Маргианская археологическая культура, – полагая, что слово «комплекс» сужает рамки этого явления (Кузьмина, 2008, с. 47).

³ Культурное единство БМАК столь очевидно, что едва ли здесь правомерно говорить о двух цивилизациях. Расстояние между Гонурским и Дашлинским оазисами – в среднем около 400 км, для каравана *camelus bactrianus*, не столь резвых, как современный дромадер, это всего одна неделя пути. Рельеф местности серьезных препятствий для движения не создает: ныне здесь простирается пустыня, где пески Юго-Восточных Каракумов встречаются с равниной Обручевской степи и солончаками Келифского Узбоя. Но, конечно, 4 тысячи лет назад, до наступления ксеротермического периода, картина была не столь удручающей. Как бы то ни было, постоянные коммуникативные связи и информационные потоки между двумя макрооазисами во II тыс. до н.э. – факт хорошо документированный, прежде всего археологическими материалами В.И. Сарианиди, позволившими ему сделать однозначный вывод: «Маргиана входила в состав Бактрии, что четко прослеживается на примере сходного пути сложения городских центров» (Сарианиди, 1977, с. 155).

⁴ Ранее слово «школа» употребил сам В.И. Сарианиди, но в отношении одной Бактрии, т.к. в Маргиане раскопки только начинались (Сарианиди, 1977а, с. 50).

квадрат, круг, прямоугольник. Отличительной чертой этой архитектуры является замкнутость планировки, строгая ориентация по странам света, симметрия, наличие двора-atriума, обводного коридора (либо системы коридоров), соединение оборонительной стены и сторожевых башен. Спустя века, несмотря на контакты с другими областями Передней Азии (а позднее – включение в состав державы Ахеменидов), в монументальном строительстве Бактрии (также как и Маргианы) стойко сохранялись местные каноны, выработанные в позднебронзовую эпоху (Мамедов, Мурадов, 1998, с. 10-11).

Говоря о круглых и квадратных планах зданий на Дашлы-3, В.И. Сарияниди предельно осторожен. Он лишь замечает, что такое сочетание не является случайным (Сарияниди, 1977а, с. 50). Он понимает, что для исследователя это очень скользкий путь: пытаться достичь правдоподобия не в реконструкции приемов, форм и функции архаических сооружений, а угадать какие-то аллюзии в действиях древних строителей, мотивах формообразования и увязать реальные объекты с мифологическими образами. Откровенно спекулятивные интерпретации неизвестного стали сегодня широко распространены, в том числе и в России: чего стоят квазинаучные фантазии об Аркаиме – уникальном археологическом комплексе синташтинской культуры эпохи бронзы на Южном Урале, породившем, к ужасу археологов, шовинистические мифы и оккультную истерию!⁵

Но вместе с тем, ни в коем случае нельзя игнорировать идеологический компонент архитектурной деятельности, которая в древности была мотивирована гораздо более глубоко и тотально, чем сегодня. Ряд исследований в области семиотики и культурной антропологии (достаточно вспомнить труды А.Ф. Лосева, Дж. Фрезера, М. Элиаде, Р. Барта, К. Леви-Строса, В.Н. Топорова и др.) позволяет увидеть, насколько тесной была связь между искусственной средой и мифологическим мышлением. Стало аксиомой представление о том, что в архитектуре Древнего Востока любое строительство мыслилось аналогом деятельности «творца», и поэтому в сооружениях преобладало космологическое содержание, основанное на преодолении царства «зла и лжи», олицетворявших хаос, создания на земле «благой небесной обители». Такие концепции, конечно же, отражались и в центральноазиатской монументальной архитектуре эпохи бронзы. Отдельные авторы прямо говорят, что, например, круглое здание на Дашлы-3 «без сомнения, имеет религиозно-космологическую основу, однако полный смысл его до сих пор не расшифрован» (Карцев, 1986, с. 98-99). Есть немало примеров научных интерпретаций первоначального символизма индоевропейцев, выраженного в целом ряде других построек, включая погребальные (См., например: Лелеков, 1976, с. 7-18; Гуревич, 1989, с. 48-49).

Сакральным принято считать и еще одно круглое сооружение, открытое В.И. Сарияниди на городище Кутлуг-тепе в Фарукабадском оазисе, в 30 км к востоку от Дашлы-3. Но это памятник уже другой, гораздо более поздней эпохи: он датируется раннеахеменидским периодом. «Многослойная ограда отделяла сакральный мир храма от окружающего профанного мира, – размышляет по этому поводу Б.А. Литвинский. – В Кутлуг-тепе три ограды преграждали доступ в иное сакральное пространство, но суть дела от этого не меняется» (Литвинский, 2004, с. 10). Конечно, соблазнительно видеть в таких круглых крепостях прообраз авестийского Вара. И.М. Стеблин-Каменский, комментируя миф о Йиме (Видевдат 2:25), пишет, что «Вар – (авест. *var(a)-*), глинобитное сооружение, судя по приводимому описанию, состоящее из трёх стен, устроенных в виде концентрических кругов, во внешнем из которых было девять проходов, в среднем – шесть и во внутреннем – три. Вар этот, таким образом, напоминал по планировке жилища-поселения древних ариев, включавшие круговые концентрические стены (были открыты археологами на севере Афганистана и в Южном Приуралье)» (Гаты Заратуштры, 2009, с. 165). Правда, прежде считалось, что во второй главе Видевдата Вар описан как квадратное

⁵ См., например, сочинение биофизика К. Быструшкина (М., 2003).

ограждение (Мифы народов мира, 1987, с. 215). Такие разночтения вполне объяснимы, учитывая известную амбивалентность текстов Авесты, но здесь важно другое. Например, один из крупнейших авестологов Л.А. Лелеков не был сторонником буквального понимания авестийских пространственных образов, указывая на их сугубо метафизический характер: «Мотив квадратного ограждения, внутри которого упорядочен мир, противопоставленный силам хаоса и смерти, прослеживается в некоторых индоевропейских традициях (*Roma Quadrata* в римской мифологии и др.; ср. прямоугольные в плане храмы в иранской, славянской, древнегреческой и других традициях). Особенно близкий Варе образ – квадратная “обитель Ямы” в Ригведе (9, 113, 7-8): это тоже обитель блаженных, средоточие бессмертия, но не на земле, а в загробном мире» (Мифы народов мира, 1987, с. 215).

Еще два обнаруженных и раскопанных В.И. Сарианиди монументальных памятника ахеменидской архитектуры в том же Дашлинском оазисе, на городище Алтын-10, он назвал объектами I и II. От первого остался прямоугольный план (80 X 55 м), в каждом углу – квадратное помещение с массивным столбом в центре; все здание разделено на две части почти глухим объемом, заключавшем в себе 6 помещений и кирпичную платформу в самом центре, а все остальное пространство слева и справа занимают два обширных двора, в который были обращены крытые галереи вдоль наружных стен, оформленные колоннадами или аркадами. Второй объект после раскопок оказался квадратным в плане (36 X 36 м), а его внутреннее устройство наглядно иллюстрирует планировочную схему «двор в обводе коридоров и разнообразных комнат», которая стала чрезвычайно распространенной в последующие века и сохранилась до XIX в. в архитектуре мусульманских медресе. Оба алтынских объекта, вместе с прилегавшими к ним другими постройками, от которых остались ничтожные фрагменты стен, составляли «комплекс особых по назначению сооружений, занимающих определенное место в развитии монументальной архитектуры Передней Азии. <...> Ритм и симметрия – вот что теперь становится характерным для бактрийского зодчества». Говоря о новшествах, которые демонстрирует второй объект на Алтыне-10, В.И. Сарианиди отметил, что «установленный факт тысячелетней преемственности в развитии монументальной архитектуры Бактрии не следует рассматривать как локальное явление. Напротив, в середине I тыс. до н.э. архитектура Бактрии демонстрирует все большую близость с сооружениями ахеменидского Ирана». Далее он приводит конкретные примеры по древней Дрангиане (Иранский Сеистан) и заключает: «Конечно, периферийные здания далеко уступали по всем другим параметрам столичному Персеполю, но их планировочная близость выделяет их в однопорядковые по своей значимости сооружения “официального” назначения. При всём том, истоки ахеменидского зодчества уходят в глубокую древность, к памятникам типа дворца Дашлы-3 и другим, еще не открытым, но подобным сооружениям, в том числе и на территории древнего Ирана» (Сарианиди, 1977а, с. 126-128).

В 1977 г., когда вышла в свет монография «Древние земледельцы Афганистана», Виктор Иванович начал раскопки холма Тилля-тепе в 3 км к востоку от афганского города Шибрган. Оказалось, что центральную часть обширного поселения занимала крепость-цитадель прямоугольной формы (27,7 X 36 м), фланкированная по углам круглыми в плане башнями. Такие же башни были посередине каждой стены, лишь на северной вместо башни находился вход. За время своего существования крепость как минимум трижды подвергалась перепланировке. Сначала внутри нее был выстроен почти квадратный в плане зал (15,5 X 14 м) с невысокой суфой в интерьере по периметру стен. Затем на его месте возвели более просторный зал с девятью колоннами, поддерживавшими кровлю и алтарем на полу, еще одна колоннада появилась и с южной стороны зала, образовав узкое вытянутое помещение. Наконец, на финальном этапе основной зал был перегороден толстыми стенами, образовавшими несколько комнат. Подробное описание этого необычного сооружения, также как и основные выводы о нем,

были опубликованы 10 лет спустя (Сарианиди, 1989а, с. 6-22). В.И. Сарианиди пришел к выводу, что оно построено в конце II тыс. до н.э. – скорее всего, как храм огня, который был ядром земледельческого поселения и возвышался над округой, находясь на естественной возвышенности, усиленной мощной искусственной платформой. Со временем храм утратил свою функцию и был приспособлен, вероятно, под резиденцию местного правителя. Забросили здание уже при Ахеменидах. Тиллятепинский «замок» заставил В.И. Сарианиди вспомнить маргианскую цитадель Яз-депе. Роднит их высокая кирпичная платформа, ставшая типичным признаком архитектуры раннежелезного века. Такие платформы появляются в тот период на многих поселениях региона: В.И. Сарианиди называет также Нади Али и Мундигак на юге Афганистана, Кучуктепе в Северной Бактрии, а параллели планировочным приемам тиллятепинского храма он видит в Западном Иране (Бабаджан, Тепе Нуши-джан, Годин-Тепе и др.). Действительно, многоколонный зал превратился в одну из главных тем ахеменидской архитектуры, но истоки ее, безусловно, находятся в древней Месопотамии.

Параллельно с раскопками в Афганистане В.И. Сарианиди с 1972 г. вернулся к исследованиям в старой дельте Мургаба, которые продолжаются до сих пор. Сама по себе без малого сорокалетняя археологическая эпопея в Маргиане не имеет, пожалуй, прецедентов в Центральной Азии. И объяснение тому – исключительно энтузиазм Виктора Ивановича, его целеустремленность и воля, необыкновенная работоспособность, организаторские способности и профессионализм, состоящий из аналитического ума, обширных знаний, практического опыта и природной интуиции. Как следствие, высокая результативность его поисков, введение в научный оборот такого колоссального количества артефактов, что для их осмысления понадобятся многие годы и, быть может, десятилетия трудов многих ученых. Но своими раскопками В.И. Сарианиди не только необычайно расширил фонд источниковедческой базы по истории культуры эпохи бронзы. Он сам дал интерпретации найденного и на их основании выдвинул теории, которые часто провоцируют научные дискуссии, но никогда не оставляют коллег равнодушными.

Вклад В.И. Сарианиди в археологическое источниковедение ценен и тем, что кроме данных археологии никаких иных источников по этому предмету попросту нет. Отсутствуют, прежде всего, какие-либо письменные документы, которые только и могли бы пролить хоть какой-то свет. Даже принятые сегодня названия тех исторических областей, которая процветали в низовьях Мургаба (Моуру, Маргуш, Маргиана) и по среднему течению Амударьи (Бахди, Бактрия) относятся к гораздо более позднему времени и к цивилизации III-II тыс. до н.э. применяются весьма условно.⁶ Здесь тот самый случай, когда уместно вспомнить известные слова Н.В. Гоголя: «Архитектура – тоже летопись мира: она говорит тогда, когда уже молчат и песни, и предания, и когда уже ничто не говорит о погибшем народе». Можно было бы возразить классику и заметить, что современная наука располагает массой других, не архитектурных и не литературных, но не менее «говорящих» источников, каковыми могут быть (помимо данных физической антропологии и исторической лингвистики) керамика, произведения глиптики, торевтики, многих других видов не только художественных ремесел, то есть вполне утилитарные изделия (все они, кстати, сполна представлены в полевых материалах В.И. Сарианиди!).

Однако никакие артефакты не отражают стадию экономического развития, уровень производственных отношений, социально-политическую организацию и, наконец, тип идеологической системы столь же недвусмысленно, однозначно, как градостроительные структуры и их отдельные элементы – конкретные сооружения с присущими им конструкциями, материалами, объемно-планировочными композициями и декором.

⁶ Интересна гипотеза о том, что древнейшим названием этой страны могло быть Мархаши, зафиксированное в клинописных источниках конца III – начала II тыс. до н.э.: Francfort, 2006, p. 94-95.

Наличия или отсутствия таких единиц как форт, дворец или храм бывает достаточно, чтобы сделать вполне определенные выводы о том или ином поселении еще до того, как будет выявлен весь сопутствующий комплекс его материальной культуры. Вот почему именно изучение архитектуры позволяет с наибольшей достоверностью приблизиться к пониманию древнего общества, его генезиса и дисперсии. В отличие от движимых памятников (статуэток, печатей-амулетов, ювелирных изделий, всевозможного инвентаря), которые вполне могут оказаться продуктами импорта, а стало быть, их происхождение легко оспорить, архитектурные сооружения однозначно автохтонны. Импортными бывают планировочные идеи, конструктивные приемы, но материалы всегда местные и любые заимствования в древней архитектуре не только меняются под воздействием ряда имманентных признаков, но и, как правило, накладываются на строительные традиции старых насельников края. Это хорошо видно на примере архитектуры БМАК.

Систематические раскопки в «стране Маргуш», как часто именует сам В.И. Сарианиди территорию своих исследований последних десятилетий, начались с разведочных работ возглавлявшегося им Геоксюрского отряда (вскоре преобразованного в Маргианскую экспедицию) Института археологии АН СССР в Аучинском и Тахирбайском оазисах, а 1974 г. был ознаменован открытием Гонурского и Тоголокского ирригационных оазисов. В том же году начал действовать специальный отряд Института истории им. Ш. Батырова АН Туркменской ССР, под руководством И.С. Масимова, исследовавший Келлелийский оазис, а затем условно выделивший еще четыре: Таипский, Аджикуинский, Адамбосанский и Эгрибогазский. После таких открытий всем стало ясно: «в бассейне древней дельты р. Мургаб на площади около трех тыс. км² располагалась крупная по тем масштабам страна. В настоящее время среди песчаных гряд и барханов обнаружено свыше 150 древнеземледельческих поселений, причем 30% памятников остаются еще не выявленными в основном из-за того, что они полностью погребены под надувными песками» (Сарианиди, 1990а, с. 4-5).

В числе объектов со следами былой архитектуры, раскопки которых, фрагментарные или полные, начаты под руководством В.И. Сарианиди – Аучин 1 (Сарианиди, 1990а, с. 10-11), Тахирбай 3 (Сарианиди, 1990а, с. 54-55), Келлели 4 (Масимов, 1984, с. 16-18; Mamedov, 1994, р. 263-264), Аджи-куи 8 (Сарианиди, 1990а, с. 7-10), Уч-депе (Сарианиди, 1990а, с. 58, табл. LXIII), Тоголок-21 (Сарианиди, 1990а, с. 102-137; см. также: Сарианиди, 1989б, с. 151-181), Тоголок-1 (Сарианиди, 1990б, с. 161-167) и, наконец, Гонур-1 с двумя поистине уникальными ансамблями, которые условно названы Южным Гонуром (теменос) (Сарианиди, 1997, с. 148-168) и Северным Гонуром (дворцово-храмовый комплекс). Последний исследуется до сих пор, так что итоговая публикация его материалов еще впереди.⁷

После распада СССР, когда наступила пауза в работе археологических экспедиций в Средней Азии, Виктор Иванович сумел оперативно наладить продолжение полевых работ уже на другой основе. Он организовал и возглавил международную миссию на Гонур Деде, сумев привлечь для этого необходимые средства от иностранных фондов. Теперь Маргианская экспедиция является совместным проектом Национального управления по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана и Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. На протяжении всех этих 35 лет постепенно проявляется топография Северного Гонура, каждый полевой сезон добавляет к ней дополнительные штрихи. Его генеральный план ежегодно обрастает участками новых раскопок, не только проясняя «темные» места, но и порождая очередную серию вопросов.

⁷ К важнейшим предварительным публикациям относятся: Сарианиди, 2000, 2004, 2005; Sarianidi, 2002, 2008 и др.

Но как сохранить раскопанные объекты от неминуемого и быстрого уничтожения в результате таких естественных факторов как атмосферные осадки и дефляция? Теперь это одна из самых острых и неотложных проблем для экспедиции и В.И. Сарияниди предпринял немало усилий, чтобы на Гонур Депе впервые были начаты экспериментальные работы по консервации раскопок. Они приобрели систематический характер и ведутся при деятельном участии Государственного историко-культурного заповедника «Древний Мерв», при поддержке руководства страны, местной администрации, а также благодаря реализации в Туркменистане международной программы «Фонд послов США для сохранения культурного наследия». Пока здесь еще мало опыта и еще меньше возможностей, но все-таки сделан важный шаг к тому, чтобы остатки архитектуры эпохи бронзы, явившись ненадолго из многовекового забвения, не ушли (теперь уже навсегда) в небытие, оставшись только на страницах книг, журналов, в фотографиях и фильмах.

Как и большинство сырцовых построек Центральной Азии, вскрытые древнемаргианские поселения состоят из нескольких слоев перекрывающих друг друга руин: «Строительство в этой традиции предоставляет в распоряжение исследователей лишь нижние части построек, практически не оставляя надежд на обнаружение деталей интерьера и конструктивных особенностей сооружений, т.е. всего того, что находилось выше “снивелированного” уровня» (Завьялов, 1989, с. 16). Иначе говоря, налицо только планы сооружений, а их объемная структура (высота помещений, пропорции фасадов, типы перекрытий, возможный декор и т.п.) могут быть восстановлены сугубо гипотетически, опираясь в основном на ближневосточные аналогии. К сожалению, к столь богатому материалу до сих пор толком не применялась система 3D, которая позволяет создать великолепную анимацию, дать зрителю иллюзию осязаемого погружения в прошлое.⁸ Замечательный пример такого рода уже есть: это франко-японский проект визуализации остатков греко-бактрийского города Ай Ханум в Афганистане. Точность его реконструкции обеспечена высочайшей квалификацией группы археологов под руководством Поля Бернара, выбиравших наиболее вероятные варианты. По мнению Г.А. Кошеленко, подобного рода работам суждено большое будущее (Кошеленко, 2007, с. 189-190). Они полезны не только для пропаганды исторических знаний, но и для самих историков.

Не повторяя хорошо известное по теперь уже многочисленным публикациям памятников древней Маргианы, отметим лишь некоторые важные аспекты их архитектуры. Такие необычные и поистине грандиозные сооружения как Тоголок-21, теменос и, конечно, дворцово-храмовый комплекс Гонура уже на ранних этапах их изучения обнаружили вполне очевидные связи с предшествующими и последующими периодами в истории архитектуры, причем не только в пределах своего региона, но и неизмеримо шире, в обширной зоне контактов и миграций народов, создавших первые цивилизации Передней и Южной Азии. Так, в планировочной структуре гонурского кремля можно видеть ту же схему, которая была свойственна почти синхронным постройкам такого же назначения в Месопотамии: «Внутренне распределение помещений дворца выделяло и изолировало частные покои (гарем), комнаты для приемов (сераль), с их большим залом (селямлик) и службы (хат). Таким образом, оно вполне соответствовало потребностям Востока. [...] Являясь жилищем монарха, совмещавшего сан жреца и обязанности военачальника, месопотамский дворец всегда насчитывал в числе своих покоев молельню, состоявшую из многоэтажной башни и капища» (Бенуа, 1935, с. 31-32). Все это находит свое место и здесь, на что В.И. Сарияниди указал еще в своих первых публикациях по Гонуру.

⁸ Первой попыткой в этом направлении был сюжет, снятый несколько лет назад французской компанией Gedeon-film по сценарию Г. Росси-Осмида на маргианском поселении Аджикуи-9.

План гонурского дворца, подобно гораздо более позднему дворцу новоассирийского Хорсабада, выполнен без соблюдения правил симметрии – единственной целью строителей была функциональность сооружения и, конечно, его безопасность. Для этого устроен довольно узкий вход, двойная линия обороны, хотя треугольные проёмы в наружных стенах никак не могли быть бойницами – это всего лишь световые фрамуги, обеспечивавшие и аэрацию внутрискладных коридоров. Наконец, подобно месопотамским дворцам, гонурский комплекс был снабжен системой сточных керамических труб для спуска вод и нечистот. Среди странностей гонурских сооружений есть так называемые «комплексы келий» – группы очень узких и низких пустотелых камер, некоторые из которых сохранились полностью: со сводчатыми перекрытиями, да еще и аккуратно заложены входами. Такие камеры давно были найдены при раскопках столицы хеттов Хаттусас (Богазкёй в современной Турции), а также на хассунском поселении Ярым-тепе в Северо-Западном Ираке, где археологи определили их как основание платформы для сушки зерна (Мунчаев и др., 1974, с. 541-542). Но почему в Анатолии и в Маргиане эти «келий» устроены при храмах огня? Пока этот вопрос остается без ответа.

Еще одна деталь в дворцовой архитектуре привлекла пристальное внимание В.И. Сарияниди, и на то имеются веские основания: речь о «слепых окнах» в интерьерах парадных помещений дворца. Это декоративные ниши, уходящие внутрь стены обычно двумя уступами по типу перспективных арок. Вполне возможно, что арками и завершались несохранившиеся верхние части таких ниш. Важно, однако, то обстоятельство, что этот прием оформления особых помещений общественных зданий уже был известен в странах Передней Азии и Средиземноморья.

В.И. Сарияниди далеко не случайно обратил внимание на сходство гонурского дворца с дворцом в Кноссе на острове Крит. Совершенно удивительные на первый взгляд параллели обнаруживаются между крито-микенской культурой и БМАК. Не забывая об их синхронности, отметим, что и в том, и в другом случае при высоком уровне развития изобразительного искусства и архитектуры совершенно отсутствует письменность. В то время, как в Египте и Вавилоне эпиграфика тотально охватывала плоскости стен и обелисков, не говоря уже о более мелких артефактах, Крит прекрасно обходился без каких-либо текстов. Даже на бесчисленных печатях видны сугубо изобразительные мотивы (Боссерт, 1935, с. 26). Разумеется, речь не идет о сходстве иконографии или архитектурных образов столь отдаленных друг от друга культур. Но некая общая идея просматривается, например, в планировочных схемах кносского и гонурского дворцов: оба возведены по заранее задуманной схеме с прямоугольной сеткой стен, направленной по сторонам света; оба подчинены функциональным, а не эстетическим требованиям, отсюда и некоторая запутанность планов без каких-либо признаков симметрии. Недаром под впечатлением огромного дворца в Кноссе зародился греческий миф о Лабиринте, откуда Тесей нашел выход с помощью нити Ариадны.

Дворцово-храмовый комплекс Гонура в точности подтверждает наблюдение Огюста Шуази, который еще в XIX в. заметил: «Тогда как в Египте культовая архитектура отесняет на задний план гражданскую, в Ассирии первое место занимает дворец, поглощая в качестве частей в своей ограде храмы. Архитектура Египта есть архитектура теократии, господствующей и над личностью монарха; архитектура Ассирии есть архитектура монархии, господствующей над религией» (Шуази, 1935, с. 91). Это очень важное замечание, которое в общих чертах помогает нам понять, какая все-таки политическая система существовала в Маргиане и Бактрии. Если к этим архитектурным показателям добавить недавнее открытие на Гонур Деле «царского» некрополя с богатейшим погребальным инвентарем, включая удивительные мозаичные панели в оформлении гробниц, то уже не остается сомнений: во II тыс. до н.э. здесь было не просто стратифицированное общество, но совершенно явная автократия.

Особый интерес В.И. Сарияниди проявил к архитектуре культовых сооружений Маргианы. На основе тщательного изучения вскрытых им помещений и найденных там

предметов он пришел к выводу, что имеет дело со святилищами, где важную роль играли культы огня, воды, галлюциногенных напитков типа сомы-хаомы, а также других персонажей языческого пантеона, включая зачатки митраизма (Сарианиди, 2008, с. 83-149). В своих объектах, включая отчасти и бактрийские, он установил наличие типологических признаков широко распространенных в Иране и Средней Азии Храмов Огня, к которым относятся *атешгахи* (алтарные площадки, или хранилища «вечного» огня в изолированных помещениях), планировочная схема «двор, или зал в обводе коридоров», а также хранилища священной золы. Все три признака много веков спустя кристаллизовались в ахеменидской и эллинистической традициях: «если сравнить между собой два конкретных памятника: храм Тоголок-21 и храм Окса, то нетрудно увидеть, что былой “двор в обводе коридоров” трансформируется в центральный четырехколонный зал с обводными же коридорами, а бывшие алтарные площадки – в подлинные атешгахи» (Сарианиди, 1996, р. 325). Сопоставляя два этих знаменитых ныне храма разных эпох, В.И. Сарианиди пришел к выводу, что со временем культ огня вытеснил другие церемониальные культы (прежде всего, связанные с сомой-хаомой), что отразилось и на планировке святилищ классического зороастризма. Впрочем, здесь ученый делает оговорку: «Может создаться впечатление, что иранские храмы огня прямо ведут свое продолжение и происхождение от маргианских храмов. Но такому прямолинейному выводу противоречит то обстоятельство, что близкие культовые церемонии были распространены еще и в Бактрии, а кроме того, и на территории Внешнего Ирана эти храмы появляются в таких выработанных, канонических формах, что с бесспорностью предполагает предшествующую многовековую линию развития и культовых традиций» (Сарианиди, 1996, р. 326. См. также: Sarianidi, 1994, р. 388-397). Стало быть, в эпоху бронзы существовал их общий центр происхождения? В.И. Сарианиди видит его истоки в монументальной архитектуре Северной Месопотамии и, возможно, Анатолии, отмечая промежуточное звено в Мидии. Г.А. Пугаченкова придерживалась иной точки зрения (Пугаченкова, 1984, с. 22-26), а М.А. Мамедов констатирует, что ряд вопросов, касающихся генезиса архитектуры БМАК и дальнейшего развития ее отдельных приемов, остаются открытыми (Мамедов, 2003, с. 117).

Бесспорно одно: В.И. Сарианиди представил науке едва ли не исходные образцы храмовых структур, которые в последующие эпохи приобрели более монументальные формы. Ахеменидские, парфянские и, наконец, сасанидские памятники даже в их каменном исполнении появились не вдруг, а стали всего лишь новым этапом того пути развития архитектуры, начало которого прослеживается в сырцовых цитаделях древней Бактрии и Маргианы.

Когда-то Шуази, характеризуя основные черты месопотамской архитектуры, указал на господство в ней системы конструкций, основанных на применении жжёного кирпича (Шуази, 1935, с. 79). Но памятники БМАК исключительно сырцовые, обломки жжёного кирпича встречаются на них едва ли чаще, чем каменные печати с надписями. Почему же на северо-восточной ойкумене месопотамского мира, где было хорошо налажено керамическое производство, а гончарное искусство отличалось исключительным мастерством, вовсе не было в ходу ни жжёных кирпичей, ни терракотовых плиток? Одна причина лежит на поверхности – это дефицит топлива. Другая – теплотехнические свойства сырцовых сооружений, чья эффективность при создании комфортной внутренней среды в резко-континентальном климате хорошо известна. Но были, вероятно, и другие, не столь очевидные мотивы, связанные опять-таки с какими-то представлениями людей того времени. Это вовсе не значит, что загадка неразрешима. Многие тайны Древнего Востока раскрылись, когда была дешифрована клинопись. Однако, как бы не огорчало нас отсутствие письменности в БМАК, не стоит преувеличивать ее роль. Вспомним суждение Мирчи Элиаде: «Свидетельства месопотамских культур, как и в случае других архаических культур, лишь отчасти выражены письменами. Большая их часть, и самая содержательная, передана символами, архитектурой, космографией и т.д.

Мы бы ошиблись, не признав за этими источниками той же значимости, которую обычно склонны придавать письменным документам» (Элиаде, 1998, с. 85).

Изучая остатки древней архитектуры, В.И. Сарияниди воспринимает их не с холодным равнодушием патологоанатома, который препарирует погибшие организмы, выясняя лишь причину их смерти. Находя и фиксируя следы обыденной жизни давно ушедших народов, он видит в них, прежде всего, проявления человеческого духа, ума и творческой энергии, которые не взялись из ничего и не исчезают вовсе, а растворяются в культурных традициях и остаются в генетической памяти последующих поколений. Вот почему, несмотря на глубокие различия архаического и современного сознания, мы понимаем логику первобытного мышления и, при известном усилии, можем воспринимать концептуальные модели древнего мира, не говоря уже об их пространственных образах.

Не стоит забывать, что архитектура первых цивилизаций принципиально отличается от строительной деятельности последующих эпох: то была архитектура как умение, то есть приобретенная опытом способность делать что-либо полезное для повседневного существования. Понадобилась очень долгая эволюция культуры, чтобы сложилась архитектура в современном понимании, архитектура как мастерство, как профессия и осмысление ее задач, ее объектов и способов работы: «Еще великие цивилизации Египта, Месопотамии, Индии мало нуждались в мастерстве: для него не оставалось пустого места в этих совершенных подобию космического порядка, где каждый занимал отведенное ему место, был слит с исполняемой функцией и в строгом смысле не был индивидом» (Глазычев, 2002, с. 194).

Упорядоченная структура монументальных сооружений эпохи бронзы говорит о наличии предварительного плана строительства, общего замысла, разметки перед возведением стен. Это не было неведь откуда взявшееся знание: всё свидетельствует о многовековом опыте и определенной архитектурной традиции. Мы можем только предполагать, что носителями этих знаний, как в Египте и Месопотамии, где осталась масса соответствующих текстов, были жрецы или сановники, приближенные к правителю, который неизменно выступал в качестве главного строителя. Если же исходить из того, что небольшими теократическими монархиями бронзового века управлял царь-жрец в одном лице, то кто же еще мог быть здесь тем демиургом, который решал, каким будет задуманное сооружение?

* *
*

Итак, многочисленные открытия В.И. Сарияниди опрокинули сложившиеся представления об эпохе бронзы на периферии древневосточного мира как первобытной культуре и выдвинули целый ряд теоретических вопросов, решением которых будет заниматься не одно поколение ученых. Стало совершенно очевидным, что во II тыс. до н.э. в оазисах Центральной Азии существовали очаги вторичных цивилизаций с ярко выраженной урбанизационной средой и такими нуклеарными объектами как Дашлы Депе в Бактрии или Гонур Депе в Маргиане. В.И. Сарияниди не раз поднимал вопрос о том, какие модели и эталоны воздействовали на строителей монументальных дворцов и храмов БМАК. Выше отмечалось, что ответ он предлагает искать далеко на Западе, в сиронатолийской архитектуре, занимавшей пограничное положение между средиземноморским и месопотамским миром. Как известно, «и в зарубежной, и в отечественной историографии 1990-х гг. особое развитие получило изучение проблемы трансиранских связей Средней Азии в III–II тыс. до н.э., её ранних контактов с Месопотамией и Индией и возможной дравидской этнической окраской» (Историография истории Древнего Востока, 2002, с. 70). Этой теме посвящены, в частности, публикации К. Ламберг-Карловского, чьи гипотезы относительно БМАК убедительно опроверг В.И.

Сарианиди в своем ответе на «рецензии» гарвардского профессора (Сарианиди, 2004б, с. 181-190).

На протяжении многих лет работы В.И. Сарианиди находятся в фокусе внимания его многочисленных коллег в разных странах, среди которых больше оппонентов, чем единомышленников. Совершенно не касаясь здесь его взглядов на арийскую проблему, острые споры вокруг его концепции протозороастризма,⁹ заметим, что его исследования породили, в частности, большую дискуссию о причинах запустения древнейших протогородских центров в предгорье Копетдага и появлении феноменов типа поселенческих структур БМАК как особых ранних вариантов городской культуры (обзор этой темы см.: Сайко, 1996).

«Не будет преувеличением сказать, что всего несколько ученых в истории археологии сделали так много важных и сенсационных находок, как В.И. Сарианиди» – пишет Филип Кол в своей новой книге, посвященный бронзовому веку Евразии. Говоря о том, что будущие поколения археологов обогатят и, в некоторых случаях, поправят и модифицируют наше понимание трудов В.И. Сарианиди, Ф. Кол отметил, что решать поставленные им задачи совсем не просто. Но эта работа всегда будет основана на первоначальных потрясающих открытиях легендарного «Льва Каракумов» (Kohl, 2007, p. 242-243). И, наконец, благодаря его подвижничеству, таланту и эрудиции в истории архитектуры Древнего Востока, будь она сегодня написана, появилась бы не просто новая глава, а целый раздел о строительных традициях неведомой прежде цивилизации.

Литература

- Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии (Опыт реконструкции мировосприятия). М., 1984. С. 78-82.
- Бенуа М. Месопотамская архитектура // История архитектуры в избранных отрывках. М., 1935.
- Березкин Ю.Е. Архитектурный комплекс как объект ритуального разрушения (Йылгынлы-депе, период Намазга II) // Известия АН Туркменистана, гуманитарные науки. 1992. № 4.
- Боссерт Г. Основные черты искусства Древнего Крита // История архитектуры в избранных отрывках. М., 1935.
- Булатов М.С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии IX-XV вв. М., 1988.
- Быструшкин К. Феномен Аркаима: космологическая архитектура и историческая геодезия. М., 2003.
- Вавилов Н.И., Букинич Д.Д. Земледельческий Афганистан. М., 1959.
- Гаты Заратуштры. Пер. с авест., вст. статья и коммент. И.М. Стеблин-Каменского. СПб., 2009.
- Глазычев В.Л. Архитектура: энциклопедия. М., 2002.
- Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998.

⁹ Вклад В.И. Сарианиди в развитие индоевропеистики – это отдельная тема, однако нельзя не сказать о том, что именно его открытия дали обильную пищу лингвистам, мифологам, историкам и, собственно, археологам. Не многого стоят рассуждения о путях миграций ариев и их прародине, игнорирующие такой феномен как БМАК. Но таковых сегодня, пожалуй, и не осталось: серьезные публикации по этим вопросам в последние десятилетия неизменно содержат ссылки на работы В.И. Сарианиди. См., например: Грантовский, 1998, с. 91-123.

- Гуревич Л.Л. О круглых городах древних иранцев // Этапы и зоны урбанизации. Тезисы докладов. Ташкент, 1989. С. 48-49.
- Завьялов В.А. Культурный слой в стратиграфической и топографической характеристике и дифференциации поселений и городов Средней Азии // Этапы и зоны урбанизации. Тезисы докладов. Ташкент, 1989.
- Историография истории Древнего Востока. СПб., 2002.
- Карцев В.Н. Зодчество Афганистана. М., 1986.
- Кошеленко Г.А. Рец. на сб.: L'Art d'Afghanistan de la préhistoire à nos jours. Nouvelles données. Actes d'une journée d'étude. UNESCO. P., 2005 // РА. 2007. № 1. С. 189-190.
- Кругликова И.Т. Десять лет Советско-афганской экспедиции // КСИА. Вып. 180. М., 1984.
- Кругликова И.Т. Разведка археологических памятников, проводившаяся сотрудниками Советско-афганской экспедиции (САЭ) на севере и северо-западе Афганистана в 1969-1976 гг. // ПИФК. XV. 2005.
- Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М.-СПб., 2008.
- Лелеков Л.А. Отражение некоторых мифологических воззрений в архитектуре восточноиранских народов в первой половине I тысячелетия до н.э. // История и культура народов Средней Азии. М., 1976. С. 7-18.
- Литвинский Б.А. Виктор Иванович Сарияниди – легенда археологии Центральной Азии // У истоков цивилизации. М., 2004.
- Мамедов М.А. Древняя архитектура Бактрии и Маргианы. Ашхабад, 2003.
- Мамедов М., Мурадов Р. Архитектура Туркменистана: краткая история. М., 1998.
- Масимов И.С. Жилой дом на Келлели // Памятники Туркменистана. 1984. № 2.
- Масимов И.С. История археологического изучения Маргианы // КЦ 2004-2006. СПб., 2008.
- Марковин В.И. Обсуждение доклада В.М. Массона // КСИА. Вып. 94. М., 1962.
- Массон В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы. М.-Л., 1959.
- Массон В.М. Поселение Джейтун. (МИА, № 180). Л., 1971.
- Массон В.М. Культурогенез Древней Центральной Азии. СПб., 2006.
- Мифы народов мира. Т. 1. М., 1987.
- Мунчаев Р.М. и др. Исследования Иракской экспедиции // АО 1973 г. М., 1974. С. 541-542.
- Пугаченкова Г.А. К типологии монументального зодчества древних стран среднеазиатского региона // *Iranica antiqua*. Vol. XVII. Gent, 1982.
- Сайко Э.В. Древнейший город: природа и генезис (Ближний Восток, IV-II тыс. до н.э.). М., 1996.
- Сарияниди В.И. Энеолитическое поселение Геоксюр (Результаты работ 1956-1957 гг.) // ТрЮТАКЭ. Т. X. Ашхабад, 1960.
- Сарияниди В.И. Культурные здания поселений анауской культуры // СА. 1962а. № 1.
- Сарияниди В.И. Некоторые вопросы древней архитектуры энеолитических поселений Геоксюрского оазиса // КСИА. Вып. 91. М., 1962б.
- Сарияниди В.И. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. (САИ. БЗ-8. Ч. IV). М., 1965.
- Сарияниди В.И. Раскопки в Юго-Восточных Каракумах в 1964 г. // КСИА. Вып. 108. М., 1966.
- Сарияниди В.И. Коллективные погребения и изучение общественного строя раннеземледельческих племен // УСА. Вып. 1. Л., 1972.
- Сарияниди В.И. Погребение Гиссар III. Новые материалы и наблюдения // История иранского государства и культуры. М., 1971.
- Сарияниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977а.
- Сарияниди В.И. Памятники монументальной архитектуры Бактрии // СА. 1977б. № 1. С. 203-224.

- Сарианиди В.И. Храм и некрополь Тилля-тепе. М., 1989а.
- Сарианиди В.И. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма // ВДИ. 1989б. № 1. С. 151-181.
- Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, 1990а.
- Сарианиди В.И. Сельский храм Тоголок-1 в Маргиане // ВДИ. 1990б. № 2. С. 161-167.
- Сарианиди В.И. Происхождение иранских храмов огня // *La Persia e l'Asia Centrale da Alessandro al X secolo*. Roma, 1996.
- Сарианиди В.И. Теменос Гонура // ВДИ. 1997. № 1. С. 148-168.
- Сарианиди В.И. Дворец Северного Гонура // ВДИ. 2000. № 2. С. 248-259.
- Сарианиди В.И. Дворцово-культурный ансамбль Северного Гонура // *У истоков цивилизации*. М., 2004а. С. 229-253
- Сарианиди В.И. Проблемы Бактрийско-маргианского археологического комплекса // КЦ 2002-2003. СПб., 2004б. С.181-190.
- Сарианиди В.И. Гонур-депе. Город царей и богов. Ashgabat, 2005.
- Сарианиди В.И. Маргуш. Тайна и правда великой культуры. Ашхабад, 2008.
- Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. За барханами – прошлое. М., 1966.
- Хмельницкий С.Г. О культовой атрибуции некоторых древних построек Средней Азии // *Miras*. № 1. Ashgabat, 2005.
- Шуази О. История архитектуры. Т.1. М., 1935.
- Элиаде М. Азиатская алхимия. М., 1998.
-
- Baimatova N.S. 5 000 Jahre Architektur in Mittelasien: Lehmziegelgewölbe vom 4./3. Jt. V. Chr. bis zum Ende des 8. Jhs. N. Chr. Mainz, 2008. (AIT. Bd. 7).
- Brentjes B. Die Stadt des Yima. Weltbilder in der Archtektur. Leipzig, 1981.
- Chmelizkiy S. Das problem der kultischen merkmale einiger altertümlichen bauten in Mittelasien // *Actes du XIIe Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistoriques*. Vol. 4. Bratislava, 1993. P. 304-307.
- Francfort H.-P. The Oxus Civilization (ВМАС) and the Location of Markhashi around 2300-1800 BC // *Ancient Margiana is the new centre of the world civilization (Materials of the International Scientific Conference)*. Mary, 2006. С. 94-95.
- Kohl Ph. The Making of Bronze Age Eurasia. Cambridge, 2007.
- Mamedov M. Archtectural planning in Margiana // *Mesopotamia XXXIX*. Firenze, 1994.
- Sarianidi V. Temples of Bronze Age Margiana: traditions of ritual architecture // *Antiquity*. Vol. 68. № 259. 1994. P. 388-397.
- Sarianidi V. The Fortification and Palace of Northern Gonur // *Iran*. Vol. XL. L., 2002. P. 75-85.
- Sarianidis V.I. Zoroastrianism: a New Motherland for an Old Religion. Athens, 2008.